

Когда-то учился в музучилище, но так его и не закончил. Романтик, прятавшийся в раковину себя самого. Бессребренник, собака по гороскопу и по жизни. С «Ямахой», выдавшей вида, которую таскал в Тернополе, Москве, Питере, по ресторанам и гастролям. Ничего не скопил, один в прокуренной полутёмной комнате, с «битлами» на обшарпанной стене и продавленным диваном. Осталась песня.

Кто, если не ты,

Грусть мою по ветру развеет...

В Тернопольском драмтеатре ставили смелую по тем совковым временам пьесу прибалтийца Грушаса – «Любовь, джаз и чёрт». Нужна была песня.

Я написал текст и отправился к Колеснику, который жил в соседнем дворе. Он, конечно, загорелся, сразу сел за клавиши. Через день запаниковал режиссёр, мол, песня нужна срочно, без неё не выстраиваются какие-то мизансцены и так далее. Я позвонил Витьке. Тот стал пространно формулировать вызревание некоего полифонического замысла, но я остановил эти творческие метания одной фразой:

– У тебя есть день. Не успеешь, отдам текст Перчуку...

Игорь Перчук был очень уважаем среди музыкантов и, понятное дело, с песней бы не тянул. На следующий день я лично заявился к творцу, не стал слушать его сбивчивых аннотаций и предисловий – показывай, что есть! Он обречённо сел за пианино, приладил к подставке скомканный текст и выдал. «Какой же ты, собака, красавец!» Я обнимал его, рассыпался в восторгах, которые по большому счёту мало что значили: мелодия, голос – вне всяких похвал! Витя конфузился:

– Голос как голос... Немного похож на Фила Коллинза...

Думаю, если б Колесника записать на тех студиях, где работал Колинз, последнему, возможно, пришлось бы потесниться.

В общем, песня удалась и явно тянула на шлягер. Однако не хватало припева. Думали, рожали, но ничего путного не выходило. Подвизали даже Перчука, случайно залетевшего в Тернополь. Он, оторвавшись от рюмки, что-то наваял на пианино, и закрыв крышку, снисходительно подытожил:

– Ну, что-то в этом роде...

Закончилось тем, что мы коллегиально сочинили припев, который и по сей день вызывает некоторую неудовлетворённость. Витькин запев сильнее припева, а в песне должно быть наоборот.

Как-то, почти одновременно, мы сделали ошеломляющее открытие: иногда в снах звучали песни, которые смело можно было назвать шедеврами. Такие откровения, конечно, вдохновляли, и мы делали героические попытки как-то зафиксировать ночные виденья. Я настраивал себя на аварийное пробуждение. Безрезультатно. Бессовестно храпел, а дивные песни, райски звучащие во сне, бесследно исчезали, оставляя утром лишь воспоминания об испытанной радости. Витя пошел дальше. Он изобретал и экспериментировал, пытаясь все-таки ухватить за хвост ускользающие шедевры. Около разваливающегося дивану – места дислокации снов – он установил кассетный магнитофон с микрофоном, чтобы при малейшей возможности, едва вынырнув из сонных тенет, успеть записать заветную мелодию. У меня для этой цели в изголовье всегда покоились ручка и открытая тетрадь. Как-то среди ночи, не зажигая свет – не вспугнуть бы! – даже что-то записал, однако утром так и не смог разобраться в таинственных каракулях. Витькин опыт оказался успешнее. Как-то он позвонил в передобеденную пору и взволнованно сообщил:

– Только что проснулся. Удалось записать! Какая тема! Чувак, ты очумеешь! Это атомная бомба! Причем, даже не по пьяни!..

Неужели удалось?! Я полетел к Колеснику (нас разделяли каких-то сто метров) – и вот мы уже припали к заветному магнитофону. Тема действительно была гениальной. Даже не сговариваясь, сразу определили название: Yesterday. Жаль лишь, что значительно раньше она приснилась Полу Маккартни...

Набирали обороты шальные 90-е. На глазах рождался и становился на ноги отечественный шоу-бизнес. Дико, хаотично, беспредельно, как всё в этой разваливающейся державе... Зато пьянила упавшая с неба свобода.

Из Питера на побывку в родной Тернополь приехал Саша Назаров, создатель и лидер довольно известной группы «Форвард». Он демонстрировал свои аранжировки, которые создавались на новейших синтезаторах, сэмплерных инструментах, и мы задыхались от восторга – наконец-то стали пробиваться правильные звуки, появилась возможность достойно одеть собственные песни. Он сотрудничал с композитором А.Морозовым, я очень удивился удачному сочетанию совкового лиризма и современного электронного звучания. Интересный голос Виктора Салтыкова (по рассказам, недавно оторванного от токарного станка), цепляющая песня «Улетели листья» (достойный текст поэта Николая Рубцова)... Назаров – красавец: абсолютно раскован, прост, весел и циничен. Щедро угощает собравшихся музыкантов, протягивает кому-то тугой бумажник, «возьми что-нибудь выпить и закусить», никогда не пересчитывает деньги – и это без апломба, без понтов и намёка на собственную значимость. Уезжает покорять Москву другой бас-гитарист, Володя Дубовицкий, и – о, чудо! – покоряет. Фантастическая карьера: старт – ансамбль Валентины Толкуновой, сложный тандем с пока ещё мало известным Игорем Крутым, затем «АРС», «Песня года», Давид Тухманов, роды «Электроклуба», куда перетянул и Назарова, и Салтыкова... Через год-другой приехал повидаться с родными. Встретились, он знакомит с новой женой (рыжеволосая огненная красавица с восточными глазами). Мне вскользь нашёптывает: «Увидишь, скоро она будет популярней Аллы Пугачёвой...» Я иронично улыбаюсь и стараюсь запомнить фамилию, явно взятую напрокат из музыкальной терминологии: Ирина Аллегрова. Зря, кстати, улыбался... Тогда-то и возникла идея создать свою команду, ну и, ясное дело, занырнуть под крыло «Электроклуба», быстро набирающего популярность. Застрельщиком проекта стал Анатолий Мельник, соратник Дубовицкого и Назарова по первой тернопольской команде «Искатели» из далёких тинейджерских 70-х. Так появился квартет «Макси», который стал гастролировать с «Электроклубом», играя в первом отделении на разогреве. Работа в раскрученном коллективе, с хорошими музыкантами, конечно, много дала. Я писал тексты, Мельник – музыку, аранжировку делали сообща, хотя больше всех потел над синтезатором Толик. Витя Колесник пел. Голосом, слегка похожим на Коллинза. Он и песни пописывал, и на клавишах играл. В общем, сделали вполне приличный по тем временам альбом, и виниловый лонг-плэй вот-вот должен был выйти в монопольной «Мелодии». Но, знать, не судилось, и зависли наши песни на километровых бобинах студийной

плёнки... Я в состав «Макси» не входил, на гастроли не ездил, но всегда ждал возвращения приятелей, иногда приезжал в Москву, где они на Шаболовке снимали квартиру... Время шло, жизнь и обстоятельства вносили свои коррективы. Первоначальный «Электроклуб» разваливался, нужно было решать, что делать дальше. Приглашала Аллегрова, но решили остаться с Салтыковым. «Макси» трансформировался в «Армию любви»... Однако и этот проект не выдержал испытания временем. Музыканты вернулись домой. Витька женился, уехал с женой в Питер. Новых песен я от него не слышал – вероятно, бытовые бури не способствовали вдохновению. Однажды он признался:

– А ведь Аллегрова хотела петь нашу песню...

– Какую? «Кто, если не ты»?

– Да. Но я не дал.

– Ну ты мудило... Чего же не дал?!

– А мне что тогда петь?

– Так новую песню написали б!!!

Потом Колесо вернулся в Тернополь, уже без жены, грустный и непривычно пополневший. Всё в ту же прокуренную комнату с пианино и старым надорванным плакатом битлов. Он по-прежнему висел на стене, испещрённой номерами полузабытых телефонов. Витя играл в ресторанчике, где-то на отшибе, иногда выныривал, появлялся на горизонте, однако былого бунтарского единения уже не было. Все мы оставались друзьями, но при этом у каждого была уже своя собственная жизнь... А если не связывает жизнь, то что же связывает?

Года разводят... А с годами нас

Уж не разлуки – встречи разлучают.

Спасает, что никто из нас не знает,

Кто проведёт кого в последний раз.

Пути Господни неисповедимы, и так случилось, что именно мне пришлось провожать его в последний путь. Как-то нелепо всё произошло: Витя поздно вернулся с работы, утром плохо себя почувствовал. Отвезли в больницу, а вечером взорвалась поджелудочная. И всё. Никто ничего толком не знал, никто не успел помочь. Когда я примчался в больницу, он был уже в морге. Там сразу же задали вопрос: – Надо помыть, одеть, привести в порядок. Кто будет оплачивать?

Вот уж не думал, что когда-нибудь буду организовывать Колесу услуги морга... Стали искать одежду, нашли какой-то пиджак, брюки, в которых его никто раньше не видел. Возникла дилемма, в каких туфлях хоронить: старых или новых, даже нехоженных? Настояли, чтоб ушёл в новых...

Потом привезли гроб, и водитель траурного автобуса заявил, что не обязан укладывать покойников. Вот и пришлось вдвоём с Вадимом (тоже музыкант и старый приятель) переносить негнущееся тело с бетонного стола в деревянный ящик. Даже в этом кошмарном состоянии не мог заставить себя воспринимать происходящее, как свершившийся факт. Смотрел на землистое осунувшееся лицо и не верил, что это Витька Колесник. Тот самый, когда-то вернувшийся с первых московских гастролей, весёлый, счастливый, неожиданно разбогатевший на новые джинсы и только-только появившийся кассетный плеер «Sony Walkman»... Воткнув мне в ухо один наушник, и одновременно слушая другой, он восторженно делился: «Новый Стинг. Тру-у-ба-а! Вот как надо лабать!»

– Да ты сам поёшь как Коллинз!

– Не-е... Так, иногда, слегка похоже...

Кто, если не ты

Грусть мою, словно сон, развеет.

Кто, если не ты,

Высушит и слёзы, и дожди,

Кто руки мои

В ласковых ладонях согреет,

Кто, если не ты, если не ты.

Одна лежит дорога в два конца,

Любовь обоих делает сильней,

И если разлучаются сердца,

Становятся счастливей и добрей...

.....

Далее проигрыш.